

О двух Лазарях

Жил себе на земле славен-богат:
Пил-ел багатый — сахар воскушал,
Дороги одежды богат надевал.
По двору богатый похаживает;
За ним выходила свышняя раба,
В рuceх выносили мёд и вино:
«Испей, мой богатый, зелёна вина,
Закушай, богатый, сладкие меду!»
Выходил богатый сам за воротá;
Лежит же убогий во божьем труду,
Во божьем труду, сам весь во гною.
Вскричал же убогий брату своему:
«Ой ты, мой братец, славен-богат!
Сошли, Христа ради хошь, милостыню, —
Хлеба и соли, чем душу питать;
Про имене Христова напой, накорми.
Христос тебе заплатит, сам Бог со небес,
На мою на проторь на нищенскую!»
Скричал богатый на брата своего:
«Лежишь ты, убогий, во божьем труду,
Во божьем труду, сам весь во гною;
Ой, осмердил ты меня, как лютой пёс!
Что ты мне за братец? Что ты за родной?
Этих у меня братьев в роду не было!
Есть у меня братья, каков я и сам,
Каков я и сам, князья-бояра;
Много у братьев имения-житья,
Хлеба и соли, злата и сребра;
А твои-то братья — два пса кобеля:
По подстолью они похаживают». —
«По том я тебе братец, потому родной,
Что единая матушка нас породила,
Что един, сударь-батюшка вспоил, вскормил,
Не ёдною долею он нас наделил:
Большому-то брату богатства тьма,

Меньшому-то брату убожество и рай». Плюнул же богатый, в палаты пошёл: «Я не боюсь твоей кропоты́, Ни злых хуробыих, злых уродливых!» Был у богатого почётный пир; Пили же и ели друзья и братия; Еще у богатого два лютые псы: Псы по подстолям похаживали, Обронныя крошечки собиравали, К убогому Лазарю принашивали. Владыко со небес ему сам душу питал, А псы ему раны зализывали. Вышел убогий в чистое поле, Взглянет он, взозрит да на небеса, Воскричал убогий громким голосом: «О Господи, Господи, Спас милостивый! Услыши, Господь Бог, молитву мою, Молитву мою неправедную: Сошли ты мне, Господи, грозных ангелов, Грозных и несмирных, не милостливых! Чтоб вынули душеньку сквозь рёбер копье, Положили б душеньку да на борону, Понесли бы душеньку в огонь во смолу! Итак моя душенька намаялася, По белому свету находилася! Как живучи здесь на вольном свету, Мне нечем убогому, в рай превзойти; Нечем в убожестве душу спасти!» Выслушал Господь молитву его; Принял его душу на хвалы к себе: Ссылает Господь Бог святых ангелов, Тихих ангелов, все милостивых, По его по душеньку по Лазареву. Вынимали душеньку честно и хвально, Честно и хвально в сахарны уста; Да приняли душу на пелену, Да вознесли же душу на небеса, Да отдали душу к Богу в рай, К святому Аврамию к праведному:

«Вот тебе, душенька, тут век вековать,
В небесном царствии, пресветлом раю!
С праведными жить тебе, лик ликовать!»
То же было время, все ми́нулося:
Охочь был богатый то́ргом торговать,
Прохладен был богатый в беседах сидеть;
Гуляет богатый день до́ вечера.
Шел же богатый путем ко двору́;
Найдет на богатого божия скорбь,
Злая хворы́бонька, зла́-уродливая смерть;
Предъимет богатого предвыше его,
Ударила богатого об сыру́ землю,
Не взвидит богатый пути пред собой,
Не узрел богатый двора своего,
Не спознал богатый жены и детей.
Сам лёжа богатый молитву творил:
«О Боже, Владыко, Спас милостивый!
Услыши, Господь Бог, молитву мою,
Молитву мою всю праведную:
Приими мою душу на хвалы себе!
Создай ты мне, Господи, тихих ангелёй,
Тихиих и смирных и милостыливых,
По мою по душеньку да по праведную;
Чтоб вынули душеньку честно́ и хвально́,
Положили б душеньку да на́ пелену,
Понесли бы душеньку к самому Христу,
К самому Христу, к Аврамию в рай!
И так моя душенька поцарствовала!
Живучи здесь на вольном свету́,
Пила, ела душенька, все тешилася!
Мне есть чем, богатому, в рай превзойдти,
Мне есть чем, богатому, душу спасти:
Много у богатого имения-житья,
Хлеба и соли, злата и сребра!»
Не слушал же Господь молитву его,
Молитву его неправедную;
Сослал ему Господи скорую смерть:
Сослал к нему Господь грóзных ангелов,
Стра́шных, грóзных, немилостивых,

По его по душу по богачёву;
Вынули его душеньку не честно, не хвальнó,
Не честно не хвально, скрозь рёбер его;
Да вознесли же душу вельми высокó,
Да ввергнули душу во тьму глубокó,
В тоё злую муку, в геенский огонь:
«Вот тебе, душенька, вечное житье,
Вечное житье безконечное!
Смотри ж ты, богатый, предвыше себя!»
Взирает богатый очми на́ небо;
Узрел богатый Аврамя в раю;
Возле Аврамя брата своего,
Меньшого брата, Лазаря.
Вскричал богатый во тьме сидючи:
«Братец мой, братец, убогий Лазáрь!
Как я поначаял, что ты в превечной муке;
Ан ты, мой родимый, в пресветлом раю!
Не попомни, братец, грубости моей!
Моги, мой родимый, душе пособить:
Есть у тебя, братец, правая руца́,
У правой у рученьки мизинный твой перст;
Обмочи ты, мой братец, в студёной воде!
Промочи ты мне, братец, кровавы уста!
Сократи ты, родимый, геенский огонь;
Чтобы мне, богатому, всему не сгореть
В той во злой муке превечнейей!»
Ответ к нему держит убогий Лазáрь:
«Ой ты, мой братец, славен-богат!
Нельзя, мой родимый, тебе пособить:
Здесь нам, братец, воля не своя,
Здесь нам воля всё Господова.
Егда мы живали на вольном свету́,
Тогда мы с тобой Богу не справливали:
Ты меня, братец, братом не нарекал,
Нарёк ты меня, братец, лютым псом;
Про имене Христово ты не подавал,
Нищих-убогих, ты в дом не принимал,
Вдов-сирот, братец, ты не призирал,
Ночным ночлегом ты не укрывал,

Нагóго, босóго, ты не одевал,
На пути сидящему ты не подавал,
Тёмную темницу ты не просвещал,
Во гробе умерших ты не провождал,
До божией церкви всегда бы со свечёй,
От божией церкви до сырой земли.
В тем бы ты призрен от Господа был!»
Речет же богатый во тьме сидючи:
«Ой ты мой братец, убогий Лазáрь!
Когда знал ты ведал про вечное житьё,
Про злую про муку превечную,
Зачем ты, родимый, мне тогда не сказал?
Ох, я не жалел бы именья-житья,
Хлеба и соли, и злата-сребра!
Про íмене Христово я бы подавал,
Тебя бы я братом родным нарекал,
Нищих-убогих в дом бы призывал,
Вдов-сирот, братец, я бы призирал,
Ночным ночлегом я бы укрывал,
Нагóго-босóго я бы одевал,
На пути сидящему я бы подавал,
Тёмную темницу я бы просвещал,
Во гробе умерших я бы провождал,
До божьей до церкви всегда бы со свечёй,
От божией церкви до сырой земли.
Тем бы я призрен от Господа был!»
Ответ к нему держит убогий Лазáрь:
«Ой ты, мой братец, слаен-богат!
Вспокаялся, братец, да не вóвремя!
Где твоё, братец, именье-житьё?
Где твоё, родимый, злато-сребро?
Да где же твоё, братец, цветное платье?
Где твои, братец, свышния рабы?»
Речет же богатый во тьме сидючи:
«Ой ты, мой братец, убогий Лазáрь!
Именье-житьё моё всё прахом взятó,
Злато моё сéребро — земля пожралá,
Цветное платье всё тлен восприял,
Друзья мои, братья — все мину́лися,

Свышняя ра́боньки все врозь разошлись!
Спесь моя, гордость вся мину́лася,
Превечная мука мне сготовилася!»
Речёт же убогий в пресветлом раю:
«Ой ты, мой братец, славен-богат!
Едина нас мать с тобой родила́;
Не одни участки нам Господь написал:
Тебе Господь написал богатства тьма;
А мне Господь написал во убожестве рай.
Тебя во богатстве враг уловил;
Меня во убожестве Господь утвердил
Верю, правдою, всею любовью.
Спасли мою душеньку святы́ ангели,
Где святы́ ангели лик ликуют,
Лик ликуют здесь ангели на земли,
Царствуют праведники на небесах.
Живи ты, мой братец, где Бог повелел;
А мне жить, убогому, в пресветлом раю,
С праведными жить и мне лик ликовать!»
 Мы нынече Лазарю славу поём,
 Во век его слава не минуется!

(Кир.)

Калеки перехожие: Сб. стихов и исслед. П. Бессонова, Москва, Ч. 1. — 1861.